

Дмитрий Павлов

Мара и Чума

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Павлов

Мара и Чума

<https://litres.ru/74241243>

SelfPub; 2026

Аннотация

Петроград накануне революции - город вне времени. Серебряный век умер, задушенный хлором в казематах Осовца, железный век ещё не родился. Коньяк подавали в заварочном чайнике, проститутку доставляли к столу в рояле, доверху наполненном шампанским. Безобидный юноша, эстет и англоман долго, с наслаждением убивал свою жертву резиновой гирей. Мчался по Невскому чёрный автомобиль, из которого стреляли в прохожих. Разум спал и отблески сновидений воплощались в чудовищ. Не пытайтесь сопоставить события романа с мемуарами. Очевидцы врут. И бойтесь чёрного автомобиля.

Содержание

Глава	4
Поезд	5
Собственный Ея Величества лазарет	18
Дом	42
В Академии	51
Мара	61
Ржевский полигон	72
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Дмитрий Павлов

Мара и Чума

*Утешься. Когда мужик умирает за своего
царя и своё отечество, ещё одна лампада
тотчас зажигается перед престолом
Господним.*

Григорий Распутин

Глава

Поезд

Сон схлынул, оставив смутные образы, и среди них — лицо, оплывшее и скомканное, как восковая маска, облитая кипятком.

— Поднимайтесь, барышни! — главный врач санитарного поезда Станислав Лазоверт шёл по проходу и стучал кулаком в двери купе. — Мы прибываем в Сарны. У вас есть час, чтобы напудрить носы и выпить чаю. Сегодня будет трудный день.

Мара сладко потянулась, села на полке и принялась надевать чулки. Она была рослой и крепкой девушкой, с широким лицом и копной жёстких, как проволока каштановых волос, подстриженных в каре. Массивные челюсти Мары навели на мысль о диете из рельсов и шпал, а веснушки на переносице не удалялись ни огуречной водой, ни французскими лосьонами. Медсестра обладала полными, резко очерченными губами — признак большой чувственности по мнению физиогномистов. Глаза девушки редкого ярко-зелёного цвета однажды до полусмерти напугали сестру-хозяйку поезда, когда та поздно ночью вышла по нужде. Во мраке вагона тётка увидела два зелёных огонька, словно летящих во тьме. Сестра-хозяйка завопила от ужаса, шлёпнулась на пол и лишь потом разглядела Мару, идущую по тёмному коридору.

— Ведьма! — заверяла позднее сестра-хозяйка своих товарок. — Как есть ведьма! Разве могут у простой девки глаза светиться?

В вагоне поднялась суета. Медсёстры вскакивали с коек, одевались, выстраивались в очередь, кто в уборную, кто к бойлеру за кипятком. Вагон безжалостно дёргалось на стыках. Женщин шатало и бросало друг на друга, кто-то успел поругаться. Мара сходила в уборную за час до подъёма, и решила, что без чая она обойдётся. В саквояже медсестры лежала коробочка с эклерами, купленными ещё в Петрограде. Когда раненых погрузят, обработают и распределят по койкам, когда утихнет беготня и сутолока, тогда можно будет спокойно выпить чаю с любимыми пирожными.

Мара сунула ноги в туфли, надела серое форменное платье и фартук с красным крестом, повязала голову платком-апостольником и выглянула в окно. Поезд медленно шёл через предместье, мимо беленых хат под четырёхскатными соломенными крышами с обязательным слуховым оконцем у конька. Промелькнула кирха с остроконечной колокольней, несколько кирпичных особняков в окружении старых лип. Показалось бревенчатое здание станции с резными карнизами и деревянный перрон маленького волынского городка.

— Боже! — соседка Мары в ужасе закрыла лицо руками. — Сколько же их?

Раненые сплошь покрывали станционную платформу

неряшливым, шевелящимся ковром. Мара привсталла, коснулась лбом к оконного стекла. Под навесом, куда складывали офицеров, медсестра увидела человека из сна.

Над Волынью стоял жаркий и безветренный день. Кучевые облака неподвижно громоздились в небе. Со стороны Ковеля неслась артиллерийская канонада, напоминающая рокот далёкой грозы. Иногда падал тяжёлый «чемодан», до вокзала докатывался гулкий удар взрыва, и земля вздрагивала, как при землетрясении. Там на западе полки Гвардейского корпуса ещё пытались удержать темп наступления, которое позже назовут Брусиловским прорывом.

Вдоль путей маленькой станции выстроились жёлтые, синие, зелёные пассажирские вагоны. Среди них выделялся, сияя начищенной медью и хромом, штабной «пульман». От двухосных цистерн с надписями «Бр. Нобель» отчётливо тянуло бензиновой вонью. На открытых платформах стояли сплюснутые с боков полугусеничные броневики «остин-кергес». Артиллеристы в пропотевших гимнастёрках с помощью лебёдки выгружали из товарного вагона снаряды для двенадцатидюймовых гаубиц, укрытых в лесу где-то за окраиной. За разгрузкой наблюдал прапорщик с сигаретой во рту, и лицо офицера выражало безнадёжное: «да гори оно всё огнём!»

Локомотив в клубах пара подтащил санитарный поезд к станции, лязгнув тормозами и встал. Раненые, кто был способен передвигаться, пошли, заковыляли, поползли к спа-

сительным вагонам с красными крестами на бортах. Дверь распахнулась, на платформу спустился красивый молоджавый военврач в золотом пенсне. Его новенький, с иголки, китель и начищенные сапоги резко выделялись среди грязного солдатского шмотья.

— Отставить бардак! — Лазоверт говорил с отчётливым польским акцентом. — Никто не попадёт в поезд без моего приказа. — Обернувшись к вышедшей следом Маре, врачскомандовал: — Приступаем к сортировке.

Лазоверт наклонялся к ближайшему раненому, осматривал его и диктовал медсестре. Мара записывала карандашом в блокноте три строчки: фамилию, диагноз, назначение. Вырвав листок, медсестра английской булавкой пришила его к солдатской гимнастёрке. Сейчас же раненого подхватывали санитары и несли в вагон.

Лазоверт близоруко сощурился на преображенца с повязкой поверх гимнастёрки. Бинт на груди медленно пропитывалась кровью, гвардеец хватал воздух посиневшими губами.

— Этого в третий вагон, на операцию, — распорядился Лазоверт. — Вне очереди!

Следующий раненый сидел, прислонившись спиной к паркету, и баюкал культю правой руки в растрёпанной, воняющей гнилью повязке.

— В четвёртый вагон на перевязку. В общую очередь. Егеря с разорванным животом даже не перевязали — про-

сто накрыли страшную рану сравнительно чистой тряпичей. Солдат не стонал и не метался, он молча смотрел в бездонное небо. Его лицо заострилось, кожа приобрела цвет и матовую прозрачность восковой свечки. Лазоверт приподнял тряпку над раной, глянул на выступающие ошмётки кишок.

— Обезболить и в последний вагон, — распорядился врач. — Где, чёрт его дери, наш священник? Пусть соборует.

Сортировка продвигалась быстро, перрон пустел. Лазоверт подошёл к оставленной под навесом санитарной тачке, представлявшей собой носилки на двух велосипедных колёсах, соединённых осью и снабжённых упорами, чтобы сооружение не заваливалось вперёд или назад. На тачке лежал штабс-капитан в обгоревших ошмётках гимнастёрки с единственным уцелевшим погоном. Офицер был молод, невысок, крепко сложен. На правой стороне лица заодно топорщились русые усики, темнела родинка на щеке. Вся левая половина головы, шея, левое плечо представляли собой сплошной ожог, кое-как прикрытый повязкой. От штабс-капитана пахло горелым мясом и керосином. Свободную от бинтов кожу покрывали бисеринки пота, офицера трясло в ознобе.

— Фамилия, имя? — потребовал Лазоверт от раненого.

— Чума! — прошептал штабс-капитан и тут же поправился: — Аннушкин Сергей Викторович.

— Что с вами случилось?

— Огнемёт! Пальнули в блиндаж, прямо в амбразуру. Боже, как же больно!

Врач не заметил, как у Мары побелели пальцы, сжимавшие блокнот.

— Этого обезболить и в пятый вагон, на койку. Перевяжем в пути.

— Пятый заполнен, — напомнила Мара.

— Тогда в шестой. Пристройте куда-нибудь.

Раздался стрекот авиационных моторов. Над станцией появились «юнкеры» с чёрными крестами. Они летели вдоль путей, и солнце серебрило алюминиевую гофру на крыльях штурмовиков. Запоздало бахнула зенитная пушка, раздался нестройный треск винтовочных выстрелов. Лазоверт метнулся обратно к поезду, санитары разбежались кто куда, оставленные на платформе раненные подняли крик, рванулись к вагонам. Мара отбросила блокнот и, присев за штабс-капитаном, как за бруствером, выхватила из кармана фартука браунинг. Бах-бах-бах! — медсестра стреляла по приближающемуся штурмовику «в штык». Стреляла грамотно, отметил про себя Аннушкин, с упреждением. Но до чего же обидно, когда ты лежишь колодой и вся твоя роль сводится к тому, чтобы служить опорой для стрелка! Да ещё горячие гильзы из браунинга летят прямо в лицо.

Тень штурмовика набежала на перрон. От «юнкерса» отделилась чёрная капля бомбы, описала пологую дугу и упала на цистерну за санитарным поездом. Перрон вздрогнул от разрыва, в воздух поднялись куски металла. Медсестра тут же развернулась и выпустила остаток обоймы в угон по са-

молёту.

В-в-вух! — бензиновое пламя вырвалось из распоротого бока цистерны. Горящее топливо хлынуло на пути, огонь охватил вагоны со снарядами. Занимавшиеся разгрузкой артиллеристы бросились наутёк, быстрее всех улепётывал прапорщик с сигаретой в зубах. От страшного жара в санитарном поезде лопались стёкла, краска на бортах вздувалась пузырями. Раздался пронзительный паровозный гудок. Машинист без приказа пустил пар в цилиндры. Локомотив резко двинул шатунами, скрежетнул колёсами по рельсам и потащил санитарный состав прочь от пожара.

Мара убрала пистолет, схватила тачку со штабс-капитаном и бегом покатила её к набирающему ход поезду. Из тамбура ей навстречу тянули руки санитары. Они схватили за гимнастёрку орущего от боли Аннушкина, втащили в вагон. Пустая тачка отлетела в сторону.

До конца перрона оставались считанные метры. Медсестра прыгнула и схватилась за поручни. Настил ушёл из-под ног, девушка повисла в воздухе. В дверном проёме появился Лазоверт. Он схватил Мару за шиворот и забросил в тамбур как котёнка.

Промелькнули купеческие особняки и остроконечная кирха, поезд мчался через предместье. Позади быстро поднимался столб чёрного дыма. Вдруг в центре пожара что-то сверкнуло, и станция исчезла в колоссальном вихре взрыва. Ударная волна качнула поезд, зазвенели выбитые стёкла.

С неба посыпались доски, шпалы, вагонные оси. Над путями пролетел, кувыркаясь, поднятый взрывом паровоз и рухнул в камышовое болотце справа от насыпи. Железнодорожная станция прекратила существование, вместе с ней в адском пламени исчезли эшелоны, оставшиеся на перроне раненые и большая часть старинного волынского городка. Поезд мчался прочь от пожара, на восток, в Россию.

Санитарный вагон, в котором разместили Сергея Аннушкина, был переделан из обычного третьеклассного пассажирского. Мастера снесли поперечные перегородки и полки, окрасили вагон изнутри в белый цвет, вдоль дощатых стен установили станки Кригера — деревянные рамы, на которых в два яруса крепились носилки, покрытые соломенными тюфяками. У входа в вагон находился стол дежурной медсестры, над ним в застеклённом фонаре с жестяной трубкой газоотвода горела свечка.

На соседних носилках тяжело умирал прапорщик, сослуживец Аннушкина. Их вместе накрыло выстрелом из огнёмёта. Штабс-капитана спасла кожаная куртка, которую офицер надел из-за ощутимой утренней прохлады, прапорщик был в гимнастёрке и шароварах. Теперь раненый напоминал мумию, почти сплошь обмотанную бинтами. Свободными оставались лишь ноздри и чёрный провал рта. Прапорщик бредил.

— Спасите! — выкрикивал он. — Уберите огонь. Жжёт! Уберите.

Стучали колёса, вагон дёргало и мотало на стыках. Сквозь хрупкое забытье Аннушкин слышал:

— Спасите! Жить хочу! Жжёт! Не меня! Не меня! Сына спасайте! Алёшеньку!

К прапорщику подошла медсестра, та самая, что бежала за уходящим поездом, толкая перед собой санитарную тачку с Аннушкиным. Сергей узнал девушку по веснушкам на переносице. Медсестра присела на корточки возле прапорщика, положила руку ему на плечо и запела. Штабс-капитан узнал эту песню. Он слышал её однажды в Свияжске. Там ссыльный студент Аннушкин снимал комнату у мещанина, чей отец долго болел белокровием, и никак не мог помереть. Родные позвали знахарку. Она так же, как медсестра сейчас, положила руку на плечо старика и негромко запела.

Прапорщик на соседних носилках успокоился, затих. Сергей вдруг понял: когда песня кончится, его сослуживец умрёт. Медсестра замолчала и накрыла забинтованное лицо мертвеца одеялом. Потом встала, глянула на штабс-капитана ярко-зелёными глазами.

— Почему ты назвал себя Чумой? — спросила медсестра.

— Это моё прозвище. Ещё с гимназии.

— А, понятно. Ну, спи тогда.

Сергей хотел что-то сказать, но девушка положила ему на лоб прохладную ладонь, и офицер провалился в беспамятство.

— Князь! Сергей Викторович, очнитесь!

Аннушкин открыл глаза и увидел чёрта. Совершенно лысый череп подручного Сатаны блестел в тусклом свете фонаря, лицо украшала аккуратная борода, кончики закрученных усов дерзко стремились вверх. Глаза, гротескно увеличенные толстыми линзами очков, смотрели на штабс-капитана умно и зло. Чёрт носил офицерский китель с полковничьими погонами, на шее блестел красной эмалью знак ордена святого Владимира с мечами. Последнее обстоятельство не удивило штабс-капитана. Идёт война и совершенно очевидно: в аду объявлена мобилизация, черти тоже служат и получают ордена за образцовое исполнение обязанностей. Аннушкин не сомневался: сейчас его подцепят на вилы и понесут в чистилище для дальнейшего оформления.

— Сергей Викторович, вы меня узнаете? — спросил чёрт.

— Э..., нет, — штабс-капитан хотел добавить, что ранее не имел чести общаться с гостями из преисподней, но воздержался.

— Я Пуришкевич, начальник этого поезда, — собеседник казался разочарованным неосведомлённостью раненого. — Мне довелось служить в МВД под началом вашего батюшки и бывать в гостях у вас в Царском.

Наконец, Аннушкин узнал ночного визитёра: антисемита, черносотенца и депутата Думы, прославившегося хулиганского выходками и оскорбительными речами в русском парламенте. Менее всего штабс-капитан ожидал встретить героя думских баталий в дебрях Волыни, да ещё в качестве

начальника санитарного поезда.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Пуришкевич.

— Ожог болит, — пожаловался Аннушкин. — Нельзя впрыснуть мне обезболивающее?

— Э, нет, дорогой, — ответил Пуришкевич. — У нас с доктором Лазовертом строгое разделение ролей, и я не могу приказывать ему что-либо по медицинской части. Если Станислав Сергеевич не велел делать впрыскивания, значит, так тому и быть. Что у вас за пистолет?

Пуришкевич указал на краешек кобуры, торчащий из-под подушки Аннушкина.

— Это люгер, — сморщившись от боли, Сергей вынул пистолет из кобуры и протянул Пуришкевичу. — Трофей.

Аннушкин скромно умолчал о том, что трофеем ему продал командир полковых разведчиков, человек невыносимой храбрости и, по-видимому, бессмертный. С подчинёнными он наведывался в германские окопы, где добывал отличные полевые бинокли, имевшие неизменный спрос у русских офицеров. Однажды пластуну повезло, и он снял с убитого немца люгер. Надо отдать должное разведчикам, они продавали трофеи по той же цене, по которой их можно приобрести в Петрограде. Например, Аннушкин купил свой пистолет за восемьдесят рублей — ровно столько за него просили до войны в магазине Гвардейского экономического общества.

— Пистолет я конфискую, — заявил Пуришкевич и сунул

люгер в карман. — В начале войны один подхорунжий заметил у нас в вагоне зелёных чертей и попытался расстрелять их из нагана. Как назло, ни одного санитаря поблизости не оказалось. Спасибо, нашлись легкораненые, которые утихомирили буяна. С тех пор мы забираем у раненых всё оружие до перочинных ножей включительно.

— Но я же чертей не вижу! — возмутился Аннушкин. — Ни зелёных, ни каких!

Вагон дёрнуло на стыках. Пуришкевич не удержался и шлёпнулся на носилки, с которых уже убрали тело прапорщика.

— Правила единые для всех, — заявил он. — Иначе в поезде начнётся бардак. Кстати, я связался по радиотелеграфу с лазаретом в Царском Селе. С Собственным Ея Величества! — Пуришкевич многозначительно поднял указательный палец. — У меня сложные отношения с Государыней, но для раненых она делает всё необходимое. Александра Фёдоровна вышлет за вами машину на вокзал. Я слышал, сейчас ваши родители проживают на даче рядом с Царским. Вам будет лучше лечиться поближе к ним. Пистолет верну на вокзале.

Пуришкевич встал, собираясь уходить.

— Скажите, — окликнул его Аннушкин, — кто та медсестра, что втащила меня в вагон? Высокая, с зелёными глазами.

— А, это Мара, — ответил Пуришкевич. — Марья Григорьевна Новых. Замечательная девушка. Всего год прослужи-

ла в нашем славном экипаже и уже замещает старшую медсестру.

Пуришкевич ушёл. А Сергей думал о том, что в прежние времена славяне называли Марой богиню, отводившую души усопших в мир Нави. На санскрите слово «мара» означает «смерть».

Собственный Ея Величества лазарет

За окном проплывал знакомый с детства пейзаж: дачные посёлки, леса, парки Петроградской губернии. Показалось двухэтажное здание царскосельского вокзала с готической башней и шпилем. Поезд лязгнул буферами и встал. В вагоне поднялась суeta. Искали и не могли найти какого-то Степанова. Аннушкин слышал, как несколько раз выкрикнули его имя. Дверь отворилась, в вагон вошёл Лазоверт и протянул штабс-капитану люгер.

— Господин Пуришкевич просил вернуть вам это. Вас доставят в Царскосельский лазарет. Старшим ординатором там служит Вера Игнатьевна Гедройц. Она отличный хирург и позаботится о вас наилучшим образом.

В вагон зашли санитары с носилками.

— Я сам! — Аннушкин по горькому опыту знал: если дать санитарам волю, кто-то из них обязательно ухватит за обожжённое плечо и боль будет адская.

Штабс-капитан сел, переждал приступ головокружения и осторожно завалился на носилки боком, чтобы не беспокоить ожог. Аннушкина вынесли из вагона и погрузили в санитарный фургон, переделанный из роскошного «ролс-ройса». Следом занесли ещё одного раненого. От его перевязанно-

го бедра шёл отчётливый запашок гниющей заживо плоти, свободная от бинтов голень отекала и покраснела, свидетельствуя о гнойном воспалении.

— Поручик Степанов, Волынский стрелковый полк, — раненый протянул руку.

— Штабс-капитан Аннушкин, лейб-гвардии Измайловский полк, — представился Сергей.

Мотор «роллс-ройса» заурчал чаще, автомобиль тронулся. Степанов извернулся и выглянул в окошко, прорезанное в фанерном борту фургона.

— Ух ты, здесь даже фонари электрические! — изумлялся простоватый поручик. — Вот уж не думал, что когда-нибудь попаду в Царское! Если мамане в Сызрань написать, она точно не поверит...

Царское Село было городком благоустроенным, но скучным до невозможности. Имелись электрическое освещение на улицах и канализация, но совершенно отсутствовала промышленность, кроме мастерских, обслуживающих дворец и расквартированные поблизости воинские части. Соответственно, не было и пролетариата с его забастовками, субботними пьянками и мордобоем. Если в Царское забредал случайный зимогор в опорках и драном зипуне, его тут же брали за шкурку и препровождали в участок для выяснения. Оттого публика на улицах встречалась исключительно мирная, верноподданная, проверенная со всех сторон. В основном работники Министерства Двора, чиновники, при-

казчики, офицеры и нижние чины гвардейских полков. В годы войны к гвардии присоединились представители невиданных ранее военных специальностей: комендоры зенитных батарей, связисты, служащие авиационной станции, водители. И медики, работавшие в казённых и частных лазаретах Царского Села.

Санитарный «роллс-ройс» промчался по Софийскому бульвару, свернул в парк Дворцового госпиталя и остановился у несуразного кирпичного флигеля, половина которого была одноэтажной, а вторая часть имела два этажа.

— Собственный Ея Величества Лазарет! — объявил водитель, дородный дядька в форме дворцового гаража. — Приехали, господа офицеры.

Раненых внесли в приёмный покой. Степанов окинул взглядом стены, покрытые белой краской.

— Так себе, — сказал он. — Скромненько, но со вкусом.

— А ты думал, здесь мебель красного дерева и шёлковые обои? — ехидно спросил Аннушкин. — За обоями езжай в Питер, там открыли госпиталь в Зимнем дворце. А тут, извини, обычная больница. Собственная Ея Величества.

Степанова забрали на перевязку, Аннушкин остался один. В комнату вошла медсестра лет двадцати на вид, высокая и стройная, в форменном платье и белоснежном апостольнике, обрисовывающем идеальный овал лица. Девушка в нерешительности остановилась у кушетки штабс-капитана. Из коридора слышались шаги, голоса.

— Не выдайте меня Крокодилище! — шепнула медсестра и скользнула за ширму.

В приёмный покой вошла длинная сухопарая тётка во врачебном халате и чепце с красным крестом. Женский чепец дамы плохо сочетался с галстуком и стоячим воротничком мужской рубашки. Врач напоминала не крокодила, а скорее печального недокормленного мерина рыжей масти, с глазами слегка навывкате. Штабс-капитан не видел эту женщину раньше, но догадался: перед ним княжна Гедройц, дама своеобразная и дающая массу поводов для слухов скандального свойства. Вера Игнатьевна жила с медсестрой, исполняющей роль то ли компаньонки, то ли ещё кого, о себе говорила исключительно в мужском роде: я пошёл, я закурил. Но наибольшую славу княжне принёс эпизод, произошедший в пятнадцатом году после крушения поезда на Царскосельской железной дороге. Тогда в Дворцовый госпиталь привозили раненых и среди прочих доставили искалеченную Анну Вырубову, ближайшую подругу Государыни. Следом явился небезызвестный Гришка Распутин с намерением утешать, исцелять и так далее. Придворный пророк имел неосторожность ввалиться в отмытую до блеска перевязочную в шубе и грязных сапогах. Гедройц схватила мужика за плечи, развернула к двери и пинком вышибла прочь. И ей за это ничего не было.

— Мне бы помыться, — попросил Аннушкин, когда Гедройц склонилась над ним. — Две недели без бани!

— Сейчас перевяжем и помоём, — заверила врач. — Что-то ещё?

— Мои родители живут в Царском Селе. Павловское шоссе, домовладение семь. Нельзя ли телефонировать им, что я нахожусь здесь, в лазарете?

— Обязательно телефонируем.

Гедройц выпрямилась и обратилась к ширме, из-под которой виднелись туфли спрятавшейся медсестры:

— И куда же запропастилась наша Ольга Николаевна? — спросила княжна у ширмы. — Мне так не хватает её в перевязочной!

Гедройц вышла. Медсестра осторожно выглянула из-за ширмы.

— Не повезло, — сочувственно заметил Аннушкин.

Девушка яростно сверкнула голубыми глазами, топнула каблучком. Но делать нечего, Ольга поплелась в перевязочную, откуда доносились вопли Степанова, истязаемого лечебными процедурами. Наступил черёд Аннушкина. Двое санитаров переложили штабс-капитана на каталку и повлекли аки грешника в пекло.

Бинты присохли к ожогу. Ольга под присмотром Гедройц отмачивала ткань и осторожно отдирала. Всё равно, ожог болел адски. Аннушкин терпел, вцепившись побелевшими пальцами в край стола. От боли на штабс-капитана накатил приступ невыносимой лихости.

— Мадам, — обращался он к медсестре, стараясь при

этом не разрыдаться. — Ваше лицо мне смутно знакомо. Кажется, я видел вас в Париже, в Лувре. Вы стояли на мраморном постаменте. Там ещё была надпись: «Vénus de Milo».

Медсестра густо покраснела и стала накладывать свежий бинт. Перевязанного и отмытого штабс-капитана отвезли в палату. Вокруг царила идеальная чистота, под высоким потолком дышалось легко и свободно. От роз на прикроватной тумбочке исходил тонкий аромат. За окном качала ветвями старая липа. Окна палаты смотрели на оживлённый Софийский бульвар, но уличный шум не проникал сквозь толстые рамы. Даже ожог почти не беспокоил и Аннушкин чувствовал: вот оно, счастье!

— А ты орёл! — заметил Степанов с соседней кровати. — Только приехал в лазарет и уже ухлёстываешь за цесаревной.

Во время перевязки поручик лежал на соседнем столе и слышал всё про Лувр и «Vénus de Milo».

— За какой цесаревной? — не понял Аннушкин.

— За великой княжной Ольгой Николаевной. Дочерью Государя.

Настало время штабс-капитану краснеть. Он откинул одеяло и встал. Кафельный пол неприятно холодил босые ступни. Покачнувшись, Сергей ухватился за спинку кровати.

— Ты куда? — встревожился Степанов. — Упадёшь! Эвон, как тебя шатает.

— Я скорее разобьюсь об пол, — ответил бравый гвардеец, — чем позволю цесаревне выносить за мной судно. Где здесь

нужник?

— Да ляжь ты, дурной, — остановил его Степанов. — Для суден санитары есть.

На следующий день приехала семья Аннушкина. В лазарете стало шумно и весело, палата наполнилась запахами духов, сигар, ни с чем не сравнимым ароматом свежей выпечки. Аннушкин Виктор Петрович, отец Сергея, плотный, солидный, в светлом полотняном костюме беседовал со старшим врачом, красавицы-сёстры кокетничали с ранеными, мать, рослая белокурая шведка из достопочтенного семейства моонзундских Стенбоков, рыдала и всё время поправляла подушку сыну. Марианна Антоновна не узнала цесаревну Ольгу в скромном медсестринском платье и пыталась всучить ей рублик «на чай». Великая княжна мужественно сопротивлялась. Все были при деле, и только балбес Колька, младший брат Сергея, студент питерского университета, не знал, чем себя занять. Сидя на подоконнике, он без толку болтал ногами в парусиновых штиблетах.

— Ладно, сын, поедем мы, — сказал наконец старый князь. — Госпожа Гедройц уже третий раз заглянула в палату. Того и гляди вышибет меня вон как Распутина. А ты не залёживайся. Как ни хорош царский лазарет, а дома всё-таки лучше.

Двухэтажный особняк Аннушкиных с фронтоном и колоннами строгого дорического ордера казался идеальным образчиком классического здания. Но стены его сложили из

дубового бруса, «лепнину» на фронтоне и карнизах мастера вырезали из липы, деревянными были колонны и капители. Для имитации неповторимого рисунка паросского мрамора на штукатурке мужики, в Паросе отродясь не бывавшие, воспользовались вместо кистей кочанами капусты, разрезанными поперёк и намазанными краской.

Дом Аннушкиных строился и обставлялся в те времена, когда извлечённый из помпейского пепла стиль ампир ещё держал оборону в салонах и гостиных Петербурга. В парадных залах особняка расположились столы в виде треножников, алебастровые вазы, расписанные «под антику», курульные кресла, от которых не отказался бы и Нерон. Неудобные кушетки красного дерева обладали подлокотниками в виде орлов, грифонов и прочей античной нечисти. Для обивки мебели использовалась та же ткань, что шла на обои. Узорчатый штоф в гостиной покрывал стены и стулья фирмы Гамбса, в курительном кабинете массивный диван, обитый полосатым кретоном, совершенно терялся на фоне стены, покрытой такой же тканью.

На первом этаже дома находились гостиная, кабинет Виктора Петровича и комнаты старшего поколения семьи. Спальни молодых Аннушкиных и слуг располагались наверху, там же были кладовые, наполненные вещами, копившимися со времён Пушкина и Дантеса. Кивера, сюртуки с эполетами, чепцы и кринолины извлекались из кладовых под Новый год для театральных постановок, устраиваемых домо-

чадцами.

Для водных процедур в спальнях имелись фаянсовые умывальники, выполненные в одном стиле с ночной посудой, которую по утрам выносили слуги. Ради более основательного мытья следовало идти в баню, а летом — на пруд, в купальню, представлявшую собой деревянный сарайчик на сваях.

С годами дом менялся. Кавказские войны принесли моду развешивать по стенам кинжалы и кремнёвые ружья, «за трофеенные» в лавках Тифлиса. После «открытия» Японии в особняке появились расписанные журавлями ширмы и восточные трюмо, инкрустированные перламутром. Новейшая эпоха подарила легкомысленные венские стулья, расставленные на веранде, где любили чаёвничать обитатели усадьбы. Но Аннушкин, переместившийся с помощью уэлсовской машины из эпохи Николая I во времена Николая II, не нашёл бы существенных изменений в своём родовом гнезде. Разве что бакелитовые вертушки электрических выключателей на стенах могли удивить его.

«Роллс-ройс» Аннушкина остановился на покрытой гравием дорожке перед домом, и семейство высыпало наружу. К старому князю подошёл дворецкий, рослый бородатый дед, помнящий ещё Александра II.

— Вас ожидают, — дворецкий с лёгким поклоном протянул Виктору Петровичу серебряный поднос с визитной карточкой.

— Кто?

— Они не изволили назваться.

Аннушкин взял с подноса визитку. На ней ни имени, ни титула, вообще ничего, кроме тиснёной золотом буквы G в обрамлении циркуля и угольника.

— Проси гостя в мой кабинет, — приказал князь. — И распорядись подать нам чаю.

Посетитель был средних лет, плотен, высок, обладал аккуратно подстриженной бородой и густым ёжиком волос, основательно тронутых сединой. Сильно хромая, гость вошёл в кабинет и двумя пальцами правой руки коснулся левого запястья.

— И вам здравствовать, Александр Иванович! — старый князь встал из-за стола, радушно протянул руку. — Вы уж простите меня, дурака, за давностью лет позабыл все наши масонские символы и приветствия. Так что давайте без церемоний. Просто скажите, чего «Великому Востоку» потребовалось от меня на этот раз?

Гость князя, Гучков Александр Иванович был депутатом Думы, дуэлянтом, и профессиональным искателем приключений. Он путешествовал по Турции и Китаю, первым из европейцев удостоился аудиенции у тибетского далай-ламы. Воевал с англичанами в Трансваале, боролся с чумой в Нанкине, сидел в плену, сперва у англичан, потом у японцев. Постоянно попадал в передраги, неизменно спасался, и никто толком не мог сказать, где кончаются реальные при-

ключения русского авантюриста и начинаются его фантазии. Гучков дважды отказался возглавить министерство, впервые при премьере Витте, повторно при Столыпине. Александр Иванович основал либеральную партию «Союз 17-го октября», председательствовал в комиссии Думы по обороне и носился с маниакальной идеей свержения Николая II. При этом гость Аннушкина оставался влиятельным финансистом, за которым стояли капиталы старинного купеческого клана Гучковых-Боткиных-Третьяковых.

— Как продвигается революция? — иронично спросил гость Аннушкин. — Уже придумали, в какой монастырь сошлёте Государыню? А что вы сделаете с Распутиным? Пришибёте или отпустите на все четыре стороны?

— Вам бы всё шуточки, Виктор Петрович..., — Гучков сел, вытянул простреленную на бурской войне ногу. — А тем временем мы работаем. Генералы Рузский и Крымов на нашей стороне. Начштаба Алексеев с нами. В ресторане «Кюба» состоялось совещание. Мы всё решили. Поезд Николая остановят войска Крымова по пути из Ставки в Петроград. От царя потребуют отречься в пользу цесаревича Алексея. Регентом при малолетнем Государе станет великий князь Николай Николаевич...

— Когда вас в последний раз били по лицу? — неожиданно спросил Аннушкин.

— Простите? — растерялся Гучков. — В каком смысле?

— В прямом. Николай Николаевич бывает суров

и частенько поколачивает своих денщиков. Даже генерал-адъютант не избегает августейших колотушек. Великий князь самого генерала Алексеева хотел вздуть, да тот пригрозил Николаю Николаевичу револьвером. Так почему бы нашему гипотетическому регенту и вас не отдубасить?

В кабинет постучали. Вошёл лакей с подносом и поставил на стол стаканы с крепко заваренным чаем, блюдо с кружками лимона, печенье.

— Вместо интеллигентного цезаря вы собираетесь поставить регентом вполне азиатского тирана с садистскими наклонностями, — продолжил Аннушкин, когда лакей вышел. — Мне ведь известно, что Николай Николаевич творил с евреями в Привислинском крае. Впрочем, мне всё равно. У меня нет родственников-евреев, а револьвер найдётся. Какова моя роль в задуманном вами деле?

— Ваше влияние в МВД огромно, — Гучков доверительно придвинулся к князю. — Министр прислушивается к вам. Если у нашего предприятия возникнут сложности...

— ...я должен сделать вид, что никакого заговора не существует, — закончил Аннушкин. — И убедить в этом министра, а также Охранное отделение и шефа жандармов. Что я получу взамен?

— Портфель министра внутренних дел. Сразу после свержения императора.

Аннушкин рассмеялся.

— Александр Иванович, вы мелко плаваете, — сказал

он Гучкову. — Хотите, чтобы я перманентно спасал ваши шкуры, а взамен предлагаете всего лишь должность главного ассенизатора Империи. Нет, меня устроит только портфель премьер-министра.

Гучков поперхнулся, закашлялся и Виктор Петрович от души хлопнул заговорщика по спине.

— Ну что же вы сразу начинаете помирать? — веселился Аннушкин. — Я не прошусь в премьеры пожизненно. Лет десять, не более. Раньше просто не успею перевешать всех социалистов и спекулянтов. Ну как, по рукам?

— По рукам, — выдавил из себя Гучков. — Теперь мы можем рассчитывать на вашу поддержку?

— Нет, — неожиданно серьёзно ответил князь.

— Почему?

— Уволен, — Аннушкин вынул из ящика стола и протянул Гучкову письмо в распечатанном конверте. — На прошлой неделе я был в Ставке и премило беседовал с Государем. Ничто не предвещало. А вчера — бац! Этим письмом меня освобождают от должности товарища министра. И я ничем не смогу помочь вашей фронде.

Гучков выглядел как боксёр, получивший крепкий удар под дых. Всё рухнуло. Уволен единственный мастер ложи «Великий Восток», способный защитить заговор от пристального внимания МВД. И Аннушкин сообщил об этом в столь иезуитской форме, что хотелось его пристрелить. Пост премьера себе выторговал, подлец! За стенкой раздал-

ся невнятный звук. Заговорщик встрепнулся.

— Что это?

— Мыши, — пояснил князь. — Дом старый, вот и завелись. А что касаясь свержения Николая Александровича с престола, то мой вам совет: бросьте вы это дело. В молодости, служа в Измайловском полку, я тоже носился со всякими идеями, даже посещал кружки. А потом я поступил в МВД. Эта служба заставила меня иначе взглянуть на жизнь и на государственное устройство. Сейчас Россией управляют люди, которые плохо работают и имеют ничтожный авторитет в народе. Революция приведёт во власть персонажей, которые не умеют работать вообще, а авторитета у них просто нет.

Аннушкин встал, давая понять, что разговор окончен. Обиженный Гучков ушёл, даже не пожав на прощание руку. Когда дверь за русским карбонарием захлопнулась, князь нажал кнопку под столешницей, и сейчас же одна из стенных панелей повернулась, открыв потайной кабинет, где жена Аннушкина давилась от смеха.

— Ох, не могу, — почти рыдала Марианна Антоновна. — Извини, не сдержалась. Гучков меня слышал?

— Слышал. Но не догадался.

— Они всерьёз собрались свергать Государя? — спросила жена.

— Как бы тебе сказать...

Князь отхлебнул остывшего чаю, задумался. Серьёзный

с виду человек, Гучков оказался донельзя болтлив. За несколько дней до увольнения Аннушкин получил отчёт филёров о речи, которую депутат произнёс перед сообщниками в ресторане Кюба. В отчёте было всё: затея с царским поездом, роль ней генералов Рузского и Крымова, возвращение великого князя Николая Николаевича из тифлисской ссылки и назначение его регентом при малолетнем наследнике. Разумеется, за всеми участниками ресторанной сходимки уже установлен негласный надзор.

— Нет, Государя они не свергнут, — ответил Виктор Петрович. — Проблема в другом...

Проблема заключалась в том, что под тонкой аристократической позолотой, которую представляют собой Гучков, Рузский, Крымов, да и Аннушкин вместе с ними, бурлит и наливается гневом мутная стихия простонародья, уставшего от чиновной дури, воровства, очередей, мобилизаций, от изматывающего ожидания похоронки с фронта. Эта стихия способна снести всё на своём пути, разрушить основы государства, если не удовлетворить её главное, самое потаённое желание...

— Мир на любых условиях — вот что нам надо! — сказал Аннушкин. — Иначе Россия взорвётся и похоронит государство под своими обломками. А я лишусь доходов с моих курских чернозёмов. Мне необходимо стать премьером, — решил Аннушкин. — Требуется разгрести авгиевы конюшни Государства Российского, разогнать всех этих болтливых

петрушек, присосавшихся к французскому капиталу и пляшущих под дудку посла Палеолога. Надо заключить мир.

— Сходи к Распутину, — посоветовала жена. — По слухам, он тоже против войны и подзуживает Государыню начать переговоры с германцами. Распутин поможет.

Князь поставил опустевший стакан на стол.

— Дорогая, как ты представляешь меня с Распутиным? Ну ладно, чёрт с ним, с чалдоном! Но как я могу находиться в одной компании с его подручными: Манусом, Митькой Рубинштейном и этим..., как его, гада...? С Симановичем!

— Я отлично представляю вас вместе. У вас одна цель: мир любой ценой.

После отъезда Аннушкиных жизнь в палате вернулась в привычную колею. Лазарет просыпался в семь утра. Раненым раздавали градусники, поили чаем, перестилали постели. В восемь в палату заходила Гедройц со свитой из медсестёр. Хирург слушала доклад дежуранта, быстро и деловито опрашивала и осматривала раненых. Ровно в девять со двора доносился протяжный гудок автомобиля, привёзшего Государыню со старшими цесаревнами Ольгой и Татьяной. Младшие дочери Александры Фёдоровны занимались уроками и в лазарете не работали. Персонал выстраивался в коридоре, следовал доклад старшего врача Шрейдера. Женщины прикладывались к руке Александры Фёдоровны, делали глубокий реверанс. На этом официальная часть заканчивалась. Императрица обходила палаты. Высокая, моложавая,

она двигалась быстрым неслышным шагом, натянуто улыбалась раненому, задавала один-два вопроса и шла к следующей кровати. Вопреки распространённому в России мнению, Александра Фёдоровна говорила по-русски свободно и правильно, лишь иногда в её речи ощущался английский акцент — память о детстве, проведённом при дворе королевы Виктории. У Сергея императрица спросила, какие цветы ему нравятся. Штабс-капитан, совершенно равнодушный к цветам, наугад ответил, что жёлтые. С тех пор из доставляемых в лазарет букетов стали отбирать все жёлтые цветы и ставить на тумбочку гвардейца. После обхода начинались перевязки, которые императрица с великими княжнами выполняли под руководством Гедройц.

Часто в лазарете проводились операции, когда требовалось обезболивание. Эфир развязывал языки раненым, и августейшие особы узнавали много интересного о себе. Один немолодой уже штабс-капитан, призванный в армию из запаса, под действием эфирных паров заявил в присутствии Александры Фёдоровны, что у всех немок плоские ноги. А бывший унтер, получивший чин прапорщика на фронте, во время операции крыл матом цесаревен, императрицу и старшего ординатора. Цесаревны не знали, куда девать глаза от смущения, Александра Фёдоровна с Гедройц невозмутимо продолжали вынимать пропитанные гноем турунды из распаханного осколком бедра раненого.

Перевязки длились до одиннадцати, потом Государыня

снова обходила палаты. На этот раз она подолгу задерживалась у каждого раненого, расспрашивая его о службе и жизни до войны. Нелюдимой императрице даже простая беседа давалась нелегко и тем не менее ритуал с обходом повторялся изо дня в день. В лазарете не было ни одного раненого, кого бы Александра Фёдоровна не удостоила своим вниманием. В полдень августейшее семейство убывало во дворец, раненых кормили завтраком, после чего в лазарет пускали посетителей. В пятом часу всем, включая гостей, подавали чай со сдобными сухарями — небольшое вспомоществование тем, кто добирался к родственникам в Царское на последние копейки. В гостиной лазарета стояло старое пианино, подарок кого-то из благотворителей, и если среди раненых находился человек, умеющий играть, по вечерам звучала музыка. Во время пребывания Аннушкина в лазарете музыкальный талант обнаружился у поручика Степанова. Увы, его таланта хватало только на польку и собачий вальс.

В шесть посетителей выпроваживали, раненые ужинали. В девять медсёстры, кроме дежурных, отправлялись на второй этаж, где находились их комнаты, и в лазарете объявляли отбой.

По воскресеньям перевязки не проводились, и под вечер Государыня привозила весь свой выводок, включая младших дочерей и наследника. Последний как-то не отложился в памяти Сергея, вероятно потому что своим невыразительным характером слишком походил на отца, которого

премьер Столыпин в грозном девятьсот пятом году умолял: «Разгневайтесь наконец, Ваше Величество!». Мальчик рос незлой и не добрый, в меру шкодливый, в меру послушный. Не запоминающийся. Даже домашние прозвища цесаревича были совершенно немальчишеские: «Солнышко», «Лучик»... Зато его сестру Анастасию мать называла почти ласково: «наша Шквидла». По слухам (а слухи в Царском распространяются мгновенно) слуги прозвали юную принцессу ещё точнее — шило в заднице. Розыгрыши Анастасии чаще бывали добрыми, иногда не очень. И если в Собственной Ея Величества ванной комнате случался потоп, слесарю не требовалось проводить расследование, чтобы установить, кто свернул голову водопроводному крану. Аннушкин навсегда покори́л сердце Анастасии, потихоньку рассказав, что будет, если кусок медной проволоки обмотать гуттаперчей, согнуть буквой U и вставить в электрическую розетку. С тех пор в Александровском дворце, царскосельской резиденции Государей, стало регулярно выбивать предохранители аккуратно перед вечерними уроками цесаревен.

Марию, старшую сестру Анастасии, родственники звали просто Машкой. Она удалась высокой, большеглазой, склонной к полноте. Цесаревна считала своим долгом накормить всех собачек, погладить всех кошек и утешить всех раненых, попавшихся на глаза. В лазарете полагали, что из Машки вышла бы замечательная медсестра или даже врач. Во всяком случае, она умела обходиться с ранеными лучше мадам Гед-

ройц с её непреходящими ухватками лейб-гренадёра. У великой княжны имелся недостаток, весьма опасный в высшем свете: если человек казался цесаревне злым, она вела себя с ним сварливо и капризно.

Татьяна была самой красивой из великих княжон, но совершенно бесхарактерной. Гедройц распорядится: Следуйте туда — цесаревна отправляется туда. Мать скажет: иди сюда — Татьяна идёт и не прекословит. Старшая Ольга не блистала красотой, зато отличалась умом и строптивостью. Получив приказание, она задумывалась на секунду, а выгодно ли это ей. И уж потом выполняла, что приказано. Или не выполняла. Вскоре после излечения Аннушкина Ольга решила, что труд медсестры ей не подходит, и после нескольких демонстративных обмороков, не приезжала в лазарет, в отличие от Татьяны, работавшей до конца.

Ночью, лёжа в постели без сна, Аннушкин размышлял о том, что придворные и политики напрасно носятся с цесаревичем Алексеем. Он болен гемофилией и едва ли доживёт до совершеннолетия. К тому же мальчик унаследовал невзрачный характер отца. Это плохо. В России более чем где-либо в мире харизма Государя имеет значение. Между тем замечательная императрица получилась бы из Ольги. Вот уж действительно личность! Умная, образованная, на редкость проницательная. Даже Государь, воспитанный в строгих патриархальных традициях, признавал это. От медсестёр Аннушкин узнал о том, как император, получив важную теле-

грамму посреди ночи, приказывал разбудить Ольгу — посоветоваться.

Подобно Екатерине Великой, Ольга могла подарить России целую эпоху. Ужасную или блистательную — это уж будет зависеть от её ближайших советников. Но эпоха запомнится, это несомненно.

Ожог Аннушкина медленно заживал, и перевязки уже не доставляли столько мучений. Однажды, когда сняли бинты, штабс-капитан попросил принести зеркало. Делавшая перевязку Ольга как-то странно и даже испуганно глянула на стоящую рядом Гедройц.

— Принесите, — разрешила врач.

Цесаревна вышла и вернулась с небольшим зеркалом на ручке из слоновой кости. Офицер взял зеркало и глянул на себя, нового. Его левый висок, половина лица, шеи, часть плеча представляли собой неровную, покрытую струпьями массу, из которой выступала бледная рубцовая ткань. Ухо превратилось в коротенький огрызок, воспалённый глаз тускло блестел между слипающимися от гноя веками.

— Шрамы украшают мужчину, не так ли? — неуверенно произнесла Гедройц.

— Э..., возможно, — ответил Сергей.

В тот момент он всерьёз подумал, что неплохо бы взять из кладовой люгер и застрелиться. Ольга улыбнулась, ласково тронула Сергея за плечо, и от этого прикосновения ужас, внушённый офицеру его собственным обликом, испарился.

без следа вместе с мыслью о самоубийстве.

Кроме ожога Аннушкина беспокоили странные бледные пятна, без видимой причины появившиеся на запястьях и локтях. Но штабс-капитан не придавал им значения. Он полагал, что все проблемы, в том числе со здоровьем, следует решать последовательно: сперва ожог, потом всё остальное.

Сергей быстро шёл на поправку и скоро затосковал. Подаренное императрицей евангелие трудно отнести к увеселительному чтению, разговоры с соседями по палате надоели. Даже воскресные визиты цесаревен не развлекали. Девушки читали проверенные книги, общались с проверенными людьми и беседы с ними были, откровенно говоря, скучны. Не выдержав, штабс-капитан обратился к старшему врачу лазарета Шрейдеру с просьбой о выписке. Сергей заявил, что может жить в усадьбе родителей и приезжать в лазарет на перевязки, благо в конюшне Аннушкиных с четырнадцатого года пылился его практически не обкатанный «руссо-балт». Но у Шрейдера имелись свои планы, касающиеся не столько молодого княжича, сколько его отца. Эти планы требовали как можно более долгого пребывания штабс-капитана в Царскосельском лазарете. В выписке Аннушкину отказали. Тогда офицер дождался дня, когда старший врач отсутствовал, и подошёл с просьбой о выписке к Гедройц. Княжна пробормотала что-то про «бабу с воза» и сейчас же велела оформить необходимые бумаги.

У ограды госпиталя Сергея ждал «руссо-балт» — длин-

ный, чёрный, массивный. Его лакированный кузов «торпедо» с натянутым тентом мелко вибрировал в такт работающему мотору, полированная бронзовая окантовка радиатора сияла на солнце. За рулём сидел брат Николай, гордый от осознания важности порученного ему дела. Несмотря на жару Колька одел кожаную куртку, краги и широченную шофёрскую фуражку с очками-консервами на тулье. Брат находился в Царском на каникулах, и сам вызвался доставить Сергея на дачу. Накануне студент весь день приводил в порядок застоявшийся автомобиль: менял масло, заливал воду в радиатор и бензин в бак, подкачивал спущенные за время простоя шины.

Штабс-капитан уже садился в автомобиль, когда его окликнули.

— Сергей Викторович! — с крыльца лазарета птичкой спорхнула великая княжна Ольга.

Диковато оглянувшись, она быстрым шагом подошла к «руссо-балту».

— Это вам.

Цесаревна протянула Аннушкину фотоальбом в атласном переплёте и тут же побежала обратно в лазарет. Колька включил передачу, нажал педаль газа. Автомобиль затарахтел бойчей, тронулся, помчался по бульвару. Сергей открыл альбом и на заглавной странице увидел собственную фотографию. На портрете офицер сидел на кровати, повернувшись к фотографу уцелевшей половиной лица. Рядом стояла

Ольга в апостольнике и белом платье, скромно сложив руки поверх фартука с красным крестом. Брат искоса глянул на раскрытый альбом.

— Я бы высказался, — заявил он, — да боюсь спошлить.

— Лучше не пошли, — ответил Сергей и захлопнул альбом.

«Руссо-балт» промчался через дачные предместья и побежал по отсыпанному гравием шоссе. Царское Село, лазарет, цесаревна — всё осталось позади.

Дом

— А не сходить ли нам на охоту, — предложил Колька Аннушкин за утренним кофе.

Ошивающиеся у стола гончаки Бим и Бом насторожились, подняли морды. Они хорошо понимали значение слова «охота».

— Что, прямо сейчас? — удивился Сергей.

— Ну да. Возьмём этих обормотов, — брат кивнул на гончих, — и пойдём.

Сергей считал охоту серьёзным мероприятием. Перед выходом в лес он тщательно чистил оружие, снаряжал патроны (покупными Аннушкин не пользовался), долго и порой мучительно выбирал одежду: тужурка или тёплая куртка на ватине? Сапоги или ботинки, простая шапка или английская кепка о двух козырьках в стиле Шерлока Холмса. А не жарко ли будет? А не холодно ли?

Лёгкий на подъём Николай свой единственный дробовик не чистил вообще, утверждая, что ржавчина отлично маскирует, в лес и в поле ходил в чём придётся, и всем видам охоты предпочитал псовую с любимыми гончими.

— Оставь брата в покое! — возмутилась мать. — Он только из госпиталя, у него ожог не зажил. Пусть отдохнёт хотя бы неделю.

— Нет, ещё неделю я не выдержу, — Сергей отставил чаш-

ку, перегнулся через перила веранды и окликнул проходившую мимо горничную. — Глаша! Передай Митрофану, чтоб седлал Серого. — И обернувшись к брату: — Ты на Азарде? — Ага. Только я сам поседлаю его.

— Если Серёжа разбинтует свой ожог в лесу, зайчики испугаются и остолбенеют, — предложила младшенькая сестричка Ксюша, воплощение детской простоты и непослушания. — Бим и Бом их тут же сцапают.

— Ксения! — мать пришла в ужас от бестактности дочери.

— А если Серёга разбинтуется в Царском, все девицы вокруг остолбенеют, — поддержал дочь Виктор Петрович, — тут их Колька и сцапает!

Охотьясь верхом в окрестностях Царского Села — плохая идея. Здесь что ни лес, то бурелом, в котором сплелись ветвями павшие древесные великаны с корнями, воздетыми выше головы всадника. Цветущий луг неожиданно переходит в гиблое болото с кривыми сосенками и оконцами ржавой воды между кочек, а приличная дорога с ровными и твёрдыми колеями превращается в глинистую размазню с лягушками и ряской на поверхности вековых луж. Даже не верится, что в каких-то двадцати верстах автомобили несутся по питерским мостовым, гремят на стыках трамваи и в небо стремятся дома-тучерезы высотой в пять и даже в семь этажей.

Братья оставили коней на опушке под присмотром Митрофана, семнадцатилетнего парня, ставшего конюхом вме-

сто призванного в армию отца. Николай спустил гончих со сворки, и псы сейчас же рванули в лес.

— Пошли, — скомандовал Николай.

В лесу было сумрачно и прохладно. Лучи солнца косыми мечами падали в подлесок, на моховых кочках бриллиантами сверкали капли росы, папоротник-орляк широко раскинул резные листья. Высокий с подвывом лай гончих далеко разносился среди дубов. Вдруг лай изменился, стал частым и плачущим.

— Ага, подняли зайчишку, — негромко сказал Николай. — Быстрей!

Брат словно чувствовал, где гончие выставят зайца на открытое место. Не прошло и минуты, как из кустов боярышника на тропу серым клубком выкатился здоровенный русачина и сел озираясь. Заяц не замечал замерших охотников.

— Не стреляй, — прошептал Николай. — Смотри, что будет.

Почти сразу в сотне аршин от братьев на тропу выскочил Бом и завертелся с приподнятой мордой. Пёс пытался уловить запах русака верхним чутьём. А заяц сидел между псом и охотниками, готовый к бегству в любой момент.

— Ну же, дебил вислоухий, — шептал Николай. — Оглянись, придурок! Добыча перед тобой, хватай!

Из кустов на зайца выбежал Бим, русак одним длинным прыжком соскочил с тропы, и гон возобновился.

— Нет, ну каков придурок! — брат пришёл в восторг от

разыгравшейся перед ним сценки. — Он сидит! А тот крутится! И тут из кустов — прыг! А тот в кусты — порск!

Тон лая снова изменился, теперь он доносился из одного места.

— Слышишь! — насторожился Николай. — Кого-то большого остановили. Уж не медведь ли?

Брат напролом двинулся через кусты. За своих гончих он мог броситься на топтыгина с одним ножом. Сергей поспешил следом, на ходу заталкивая в стволы «зауэра» патроны с пулями вместо дробы. Братья выскочили на полянку и увидели совершенно фантастическую картину: рослая девица в ситцевом платье и платке стояла, прижавшись спиной к дубу, и палкой отбивалась от гончих. Свободной рукой она удерживала давешнего русака. Псы хрипели и выли, стремясь вырвать добычу. Рядом в траве валялось лукошко и рассыпанная малина.

— Твою мать! — у Николая просто не было слов. — Бим, Бом, ко мне!

Псы оглянулись на голос хозяина. Заяц воспользовался заминкой, лягнул свою спасительницу лапами в живот, метнулся в бурьян и был таков.

— Ох! — от крепкого удара девица шлёпнулась в траву.

— Ты кто такая?! — вытаращился на девицу Николай и тут же рявкнул гончим: — Стоять, бестии! Вот я вас своркой!

Он ловко прицепил к сворке сперва одного пса, потом

другого.

— Мара! — узнал девицу Сергей. — Ты что здесь делаешь?

— Я-то?

— Ты-то!

— Я вот! — Мара подняла лукошко с тремя оставшимися на дне ягодками. — Собираю. А тут заяц! Прыг на руки! А за ним эти, блохастые. Думала, сожрут.

— Но-но, поговори мне! — пригрозил Николай. Он тщательно ощупывал и осматривал своих драгоценных псов — не ушибла ли их злая девка?

Сергей помог Маре встать на ноги и собрать рассыпанные ягоды. Они встретились взглядами, и на мгновение Аннушкину показалось, что зрачки Мары имеют форму эллипса, как у кошки. Присмотрелся — нет, обычные зрачки, только левый глаз чуть косит.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Сергей. — Я думал, ты в поезде, у Пуришкевича.

— Малой болеет, — ответила Мара, не разъясняя, кто этот Малой. — Пока болеет, не могу уезжать далеко от Царского. А ты живёшь здесь? У тебя дача?

— У родителей.

— А у меня дом в Царском. На Липовой.

— Подвезти?

— Давай.

Болтая о пустяках, молодые люди дошли до опушки. Там

они поймали стреноженных коней и разбудили Митрофана, сладко почивающего под сенью бузины. Сергей запрыгнул в седло и уступил стремя Маре.

— Забирайся.

Девушка вскочила на круп коня, одёрнула подол и обхватила Аннушкина за пояс. Сергей сквозь тужурку почувствовал жар, исходящий от Мары. Всадники тронулись по лесной тропинке. Впереди ехали Сергей с Марой, следом брат на Азарде, замыкал маленькую колонну Митрофан верхом на приземистой долгогривой савраске.

Николай по складу характера не мог долго сердиться. Поравнявшись с Сергеем и Марой, он рассказывал свежие сплетни из университета. Старший брат кивал невпопад и помалкивал. Он чувствовал затылком горячее дыхание Мары, от этого мысли путались, исчезало желание говорить. Митрофан страдал, предвкушая заслуженную выволочку. Сон на посту, даже в безопаснейших окрестностях Царского Села являлся тяжёлым проступком в глазах старого князя. Оставалось надеяться, что молодые княжичи не сболтнут о том, как сперва искали конюха в зарослях, а потом не могли его добудиться.

Лес кончился, и всадники выехали к домам на окраине Царского Села, утопающим в зелени садов. На город спускались сумерки. Вспыхнули уличные фонари. На фоне светлого северного небосклона они, казалось, ничего не освещали, а только сгущали сумрак вокруг.

— Я здесь живу, — Мара указала на новенький, ещё не успевший потемнеть бревенчатый домик с резными наличниками и флюгером-корабликом на коньке.

Девушка соскочила с коня, одёрнула платье.

— Родители твои здесь живут? — спросил Сергей.

— Нет. Отец в Питере, а мать в Тобольской губернии.

— Как вас, однако, разбросало! Не страшно тебе одной?

— Нет. Если кто в дом полезет, я его скалкой. У меня рука тяжёлая, мало не покажется. — До свиданья, Сергей Викторович.

Мара закрыла за собой калитку, чуть погода во дворе скрипнули ступени на крыльце, хлопнула входная дверь.

— Знаешь, кого ты подвёз? — спросил Николай у брата.

— Конечно знаю, — ответил Сергей. — Это Марья Новых, медсестра из санитарного поезда.

— Это Распутина! — Колька сделал страшное лицо. — Старшая дочка Гришки Распутина. Того самого, что царей окормляет.

Сергей знал о Распутине только то, что такой проходимец есть. А между тем брат не унимался:

— Гришка по паспорту Новых. А по прозвищу и по сути — Распутин. А ты не стесняйся, заходи к Маре. Она, небось, в папу. Тебя в бане на полоче разложит и веником так вздует...

— Язык придержи, — оборвал брата Сергей.

— Да ты...! — Николай мгновенно вспылil, дал Азарду

шенкелей и поскакал прочь из города. Гончие помчались следом.

Митрофан растерянно озибался, не зная, догонять ли младшего княжича или остаться со старшим.

— Ну что, Митрофанушка, бросили нас, — сказал Сергей. — Поехали-ка домой. Поздно уже.

На другой день Виктор Петрович позвал старшего сына к себе в кабинет.

— Расскажи, что ты намерен делать после выздоровления?

— Отгуляю отпуск и вернусь в полк, — ответил Сергей.

Отец прошёлся по кабинету, заложив руки за спину, за чем-то переставил на столе бронзовый бюстик Сократа.

— Понимаешь, Серёжа, — сказал старый Аннушкин. — Твоё желание вернуться в полк очень похвально, но есть нюанс. Как в том анекдоте про попа и дьякона. Даже два нюанса. Во-первых, гвардия у нас штатетно-марафетная и парады составляют главный смысл её существования. Для парадов нужна внешность. Война немного привела гвардейский корпус в чувство, но потом всё вернётся на круги своя. И моего влияния при дворе не хватит, чтобы оставить в гвардейском строю тебя с такой отметиной на лице.

Сергей кивнул. Он и сам догадывался, что после войны мытьём или катаньем командование Измайловского полка вынудит его уйти в запас.

— А во-вторых и в главных..., — продолжал отец.

— ...мать не переживёт ещё одного твоего отъезда на фронт. Ты отдал долг Отчизне сполна. Будет разумно, если ты вернёшься в Военно-Медицинскую Академию и продолжишь образование.

— Боюсь, что врач из меня тоже не получится. С такой-то отметиной!

— Не можешь работать врачом — займись наукой. У тебя выходили прекрасные статьи до войны. Ты был дружен с академиком Кравковым. Сейчас он испытывает действие удушающих газов на собачках. Говорят, результаты совершенно убийственные. Для собачек и в перспективе для немцев. Съезди в Питер, зайди на кафедру к Николаю Павловичу. Я более чем уверен: он возьмёт тебя в свою команду. Имей в виду, безделья в своей семье я не потерплю.

— Хорошо, — Сергей встал, собираясь уходить, — поговорю с Кравковым.

— И ещё одно, — остановил сына Аннушкин-старший, — эта девушка, Марья Новых... Она из очень специфической семьи. Отношения с ней вызовут нежелательные толки. Надеюсь, у вас нет никаких отношений?

«Митрофан, скотина!» — догадался Сергей. Очевидно, конюх разболтал среди слуг о вчерашней встрече, и сведения о Маре дошли до отца.

— Нет у нас никаких отношений, — заверил отца Сергей.

В Академии

До чего же хорошо иметь собственный автомобиль! Не надо скучать в поезде, трястись в пролётке, вдыхая смесь из запахов лошадиного пота и давно не мытого ваньки-извозчика. Сел и поехал.

«Руссо-балт» Аннушкина промчался по Московскому проспекту, свернул с Садовой на Гагаринскую набережную, и перед Сергеем открылся простор Невы с чайками, лодками, серой речной волной, бьющейся о гранитные набережные. У пристани и складов Гагаринского буяна теснились баржи, финские лайбы, закопчённые толстобокие буксиры. Бастионы Петропавловской крепости, не без основания прозванной «русской Бастилией», пристально смотрели на город из-за ажурных ферм Троицкого моста, напоминая шустрым питерцам: не зарекайтесь!

Автомобиль Аннушкина пересёк мост и свернул направо, где возвышались дома Арсенальной набережной, скучные, сплошь окрашены либо жёлтой охрой, либо красным суриком, словно нет в природе и на рынке других красок. Зато яркими пятнами на тротуарах выделялись механические ларьки кондитерской фирмы «Эйнем». За гривенник они продавали шоколадки, а в автоматических кафе Квисисанна за пятнадцать копеек обыватели перекусывали салатиком или сэндвичем. В клубах пара катились могучие локо-

мобили, с рекламой «Московского гужевого товарищества» на бортах, извозчицки клячи опасливо косились на пронсящие мимо трескучие мотоциклы фирмы «Дукс». Словно призрак грядущей эпохи упирался в облака над Охтой железный скелет недостроенного тучереза Газо-Промышленного треста.

Под колёсами тархтела зубодробительная булыжная мостовая, иногда сменяющаяся ровной брусчаткой, и только в местах проезда царских поездов появлялась тихая, удобная для машин и лошадей торцовая мостовая, составленная из шестигранных деревянных шашек. По тротуарам, мощёным известняковыми плитами, текла толпа: зимогоры в обносках, рабочие в пиджачных парах и в сапогах с галошами, солидные господа в лёгких парусиновых костюмах и панамах, уличные торговцы, кто с лотком через плечо, кто с глиняной корчагой на голове. Что в той корчаге, приличному человеку лучше не знать — желудок целее будет. На Арсенальной гуськом ходили одинаково одетые пожилые мужчины. Каждый держал в руках плакат на бамбуковой раме с единственной большой буквой. А если все буквы сложить, получалась фраза: «ИДИТЕ В ЦИРК». Что за цирк, коренному питерцу разъяснять не надо — разумеется, цирк Чинизелли в помпезном здании на Фонтанке. Все остальные цирки — жалкая любительщина.

Военная форма стала модной в Петрограде шестнадцатого года. В толпе попадалось немало мужчин в кителях или

гимнастёрках военного образца, некоторые даже при кортиках, но без погон и в фуражках самых невероятных для армии расцветок. А ещё в Питере появился феномен, ранее невиданный Аннушкиным: очереди. Молчаливые и сумрачные, они тянулись из булочных, включая порой по несколько десятков человек. Однажды трамвай затормозил перед «руссо-балтом», да так неожиданно, что Сергей едва не врезался в сцепку. Вагоновожатый выскочил из трамвая, метнулся в магазин с румяным кренделем на вывеске и минуту спустя выбежал обратно. Из сумки-авоськи довольного работника торчал длинный багет. Оказывается, вагоновожатый увидел булочную, у которой не скопилась большая очередь, и не упустил шанс разжиться хлебом.

Аннушкин остановил автомобиль напротив сквера с памятником долгоносому шотландскому доктору Виллие. В глубине сквера среди старых лип виднелись колонны и купол главного корпуса Императорской Военно-Медицинской Академии. Штабс-капитан заглушил мотор, пошарил в ящике под сиденьем и вынул здоровенный амбарный замок. Машины в Петрограде угоняли редко ввиду малочисленности самих автомобилей, но прецеденты случались, вынуждая автовладельцев принимать меры против воров. Сергей накиннул дужку замка на рычаг стояночного тормоза, находящийся снаружи у правого борта, и замкнул в проушину, приклёпанную к обшивке. С заблокированным тормозом «руссо-балт» не сопрут. По крайней мере, не сопрут без слесаря-

ного инструмента.

Сергей прицепил шашку и пошёл к главному корпусу, козырнув по пути стайке учащихся школы военных фельдшеров. Будущие медики с любопытством смотрели вслед странному офицеру с замотанной в бинты головой.

На кафедре фармакологии царили тишина и безлюдье. Сквозняк из форточек раскачивал подвешенные на шнурах лампы в конических жестяных абажурах. Скрипел под ногами старый паркет. Кабинет Кравкова оказался заперт, зато из аудитории напротив доносились голоса. Сергей узнал голос академика и приоткрыл дверь. Так и есть: Кравков, высокий, худощавый, с лихо закрученными усами, с аккуратной бородкой в духе Наполеона III что-то внушал своим лаборантам. Академик заметил штабс-капитана, деликатно остановившегося в дверях, обернулся, блеснул «анной» на груди элегантного кителя и объявил сотрудникам:

— Господа, позвольте представить вам первостатейного мерзавца.

Сергей онемел, не зная, что ответить. А Кравков продолжал:

— В четырнадцатом году сей господин убыл на фронт в должности врача. И что мы наблюдаем в году шестнадцатом? Он поменял благородный белый халат на мундир, звенит шпорами, бренчит саблей и мнит себя героем. А мы в Академии из кожи вон лезем, чтобы отправить в действующую армию хоть кого-то, кто умеет бинтовать и отличает

шприц Жане от шприца Люэра. Клиника Виллие забита солдатами с жутчайшими гнойными осложнениями, потому что их раны не обработали вовремя. Не зря коллеги прозвали вас Чумой, господин Аннушкин. Катитесь отсюда, и чтоб я вас больше не видел!

Красный как рак, Сергей выскочил из аудитории и нос к носу столкнулся с крупным дядькой в звании генерал-майора медицинской службы.

— Сергей Викторович! — генерал-майорище близоруко сощурился сверху вниз на опозоренного гвардейца. — Что, отделал тебя Николай Павлович? Я ещё на лестнице слышал, как он тебя разносит. Кравков это умеет. А что с тобой произошло? Что за новая форма маскировки бинтами?

— Огнемёт, — ответил Сергей.

Он отчаянно пытался вспомнить, где и когда мог встречать лысого близорукого генерала с бородой-веником и золотым пенсне.

— Ах ты боже мой! — воскликнул здоровяк. — Я всегда знал: немцы — умная нация, но порой у них ум заходит за разум. Это же надо додуматься: людей бензином обливать! А ты меня узнал?

Аннушкин отрицательно покачал головой.

— Боткин я. Евгений Сергеевич. Как сейчас помню: родители привезли тебя к нам в клинику Виллие. Спасите, дескать, и помогите, все врачи отказались, только вы можете сохранить ребёнка. Я тебя осмотрел и применил послед-

нее средство — вырвал гланды. А ваша светлость изволили тяпнуть меня за палец. Вот, на всю жизнь отметина осталась.

Боткин продемонстрировал белый шрамик на указательном пальце.

— Ну ничего, дела прошедшие, — генерал от души хлопнул Сергея по спине. — Сейчас я буду мирить тебя с Николаем Павловичем.

Боткин вошёл в аудиторию. Некоторое время оттуда доносился густой бас генерала, прерываемый высоким тенорком академика. Двери распахнулись, из аудитории один за другим выскользнули лаборанты. Последними вышли Кравков с Боткиным. Евгений Сергеевич махнул штабс-капитану рукой: следуй за нами.

Медики вошли в кабинет заведующего, Боткин по простоте душевной рухнул в удобное хозяйское кресло. Оно жалобно скрипнуло под могучей фигурой врача. Аннушкин скромнейше присел сбоку от письменного стола. Кравков открыл несгораемый шкаф, достал три мензурки, графин с морсом и большую колбу с таинственной прозрачной жидкостью.

— В отличие от Евгения Сергеевича я не имею счастья консультировать Императорскую фамилию, и у меня нет доступа к царским погребам, — пояснял Кравков, разливая по мензуркам содержимое колбы. — Покупать коньяк из-под полы я боюсь. Поэтому, чем богаты...

— Это что? — осторожно спросил Сергей. В его роте

несколько солдат ослепли, выпив разбавленный древесный спирт вместо водки, и штабс-капитан панически боялся любых неизвестных жидкостей, пахнущих алкоголем.

— Это новейшее изобретение нашей кафедры, порождённое сухим законом, — ответил Кравков. — Медицинский спирт смешивается в равных долях с раствором глюкозы, добавляется аскорбиновая кислота в количестве «*quantum hvatit*». Глюкоза смягчает вкус спирта, аскорбинка ускоряет метаболизм алкоголя. Вздрогнули!

Медики опрокинули мензурки, не спеша запили морсом.

— Замечательная вещь, скажу я вам, — продолжал Кравков. — Принимаешь чарку, и через полчаса ты абсолютно трезв, можешь идти читать лекцию. Мои лаборанты прозвали этот напиток бальзамом Виллие. Но вернёмся к нашим баранам, — академик обернулся к Сергею. — В настоящее время моя кафедра разрабатывает рецептуры боевых отравляющих веществ и средства противохимической защиты. Для работы мне необходим человек, не понаслышке знакомый с газовыми атаками и при этом владеющий азами токсикологии. Вы, Сергей Викторович, подходите нам. Думаю, подав прошение, вы сможете поступить в адъюнктуру и помочь мне в благородном деле истребления германцев. Напоминаю, что Академия не место для политики. Однажды вас уже отчислили за участие в первомайском сборище, уверен, это послужило вам хорошим уроком.

Кравков снова наполнил мензурки.

— Вздروгнули!

— А что это за пятна у тебя на руке? — спросил Боткин и ткнул пальцем в запястье штабс-капитана.

— Наверное, ожоги.

— Это не ожоги, — Боткин снял пенсне, присмотрелся.

— Такие пятна я видел у китайских кули в Маньчжурии и позднее в лепрозории «Крутые Ручьи».

Врач долго осматривал странные пятна, колот в них писчим пером и, наконец, сказал, словно огласил приговор.

— Это проказа.

Аннушкин пошатнулся.

— Наше фамильное проклятие, — заговорил он быстро, будто оправдываясь, — Наш предок Берке выехал из Большой Орды на службу Ивану Калите и по легенде, его старый хозяин проклял изменника проказой. С тех пор она проявляется у одного из пяти-шести мужчин нашего рода и только в старости. А у меня проявилось раньше, вероятно, из-за ожогов.

Кравков развёл руками.

— В таком случае вынужден взять все свои слова обратно. Сергей Викторович, вы не сможете учиться в Академии. Вам следует обратиться в нашу клинику инфекционных болезней для обследования, изоляции и лечения. Хотя, какое там лечение! Способов борьбы с лепрой не существует.

— Способ есть! — воскликнул Боткин. — Мара Новых поможет.

— Её методы антинаучны, — возразил Кравков. — Не говоря уже о репутации её семьи...

— А, брось! — Боткин взмахнул рукой, отменяя все доводы профессора. — О какой репутации речь, если у молодого человека жизнь на кону. Он сейчас же отправится к Маре или в лепрозорий. Вот что, Серёжа, — врач положил ладонь штабс-капитану на плечо. — Езжай прямо сейчас в Царское Село на улицу Липовую, найди дом с корабликом на коньке. Упади Маре в ножки, обещай что угодно. Она поможет.

Аннушкин внезапно заторопился.

— Простите, мне надо идти.

— Ступай, — благодушно разрешил Боткин.

Аннушкин шагнул к выходу и столкнулся в дверях с молодым военврачом в идеально пошитой форме. Сергей не слишком вежливо подвинул коллегу с прохода и быстрым шагом, почти бегом устремился прочь с кафедры.

— Ты всерьёз думаешь, что мадам Новых, она же Распутина, сможет исцелить князя? — спросил Кравков у Боткина.

— Я в этом уверен! — заявил лейб-медик. — Она же ведьма. Натуральнейшая — клейма ставить негде. Во времена Парацельса я бы её сжёг.

Доктора заметили стоящего в дверях молодого человека.

— Вам чего? — спросил Кравков.

— Хочу быть зачисленным на вашу кафедру в качестве адъюнкта, — военврач изящным жестом извлёк из кожаной

папки клочок бумаги и протянул Кравкову. — Ознакомьтесь, пожалуйста.

Академик глянул на записку. На ней корявым почерком, каким пишут дошколята, было нацарапано: «Милай Дарай! Помоги хорошаму человеку. Шибко умный. Распутин».

Кравков покраснел. Потом побелел.

— На кафедру хотите? — уточнил он у изящного медика.

Врач кивнул.

— Науку двигать?

Эскулап ответил лёгким поклоном. Кравков развернул коллегу к себе спиной, к двери передом. Бац! — полуботинок академика врезался в зад соискателя.

— Двигай отсюда, и чтоб духу твоего здесь не было!

Кравков скомкал записку и бросил в мусорную корзину. Боткин тут же извлёк бумажку с каракулями Гришки Распутина и аккуратно разгладил.

— Сохраню это. Для истории.

Мара

«Руссо-балт» Аннушкина вихрем пронёсся по отсыпанному щебёнкой шоссе, пересёк Царское и с железным скрежетом затормозил у дома Мары. Сергей выскочил из автомобиля, подбежал к воротам, занёс кулак, чтобы постучать... И замер. А что, если Мара — мошенница? О людишках, трущихся при Дворе, ходят разные слухи, порой совершенно дикие. Что если чалдонка запросит за лечение цену, неподъёмную даже для не бедного семейства Аннушкиных? Что если это вовсе не лепра, а какая-то редкая форма псориаза? Боткин мог и ошибиться.

— А, была не была! — воскликнул Сергей и робко постучал в калитку.

Со двора не донеслось ни звука. Налетел ветерок, зашелетели рябины в палисаднике. На забор сел голубь и посмотрел на штабс-капитана глазом в золотистом ободке. Сергей забарабанил сильнее. Сообразил, что его в доме могут не услышать, подобрал палку и, перегнувшись через ограду палисадника, постучал в окошко. Неистовство охватило Аннушкина, он орал и колотил в забор, и наконец, решил вломиться в дом, даже если обратно его выведут с полицией.

— Ты чего шумишь?

Сергей оглянулся. Перед ним стояла Мара, одетая по-городскому, в узкое светлое платье, подпоясанное алым куша-

ком. Каштановые волосы подстрижены в каре, на голове модная шляпка-клош, в руках кошёлка с продуктами.

— Я эклеры купила, — сказала Мара. — Ты же любишь эклеры. Заходи, будем пить чай.

Мара отперла калитку, офицер вошёл вслед за нею. Интересно, подумал Аннушкин, как девица догадалась, что он питает совершенно детскую слабость к эклерам? И как она узнала, что Сергей приедет сегодня?

Аннушкин вошёл в дом, обернулся налево, привычно поднял руку ко лбу ради крестного знамения... Вместо иконы в красном углу на столике стоял граммофон с раструбом, расписанным розочками. Зато на стене висела литография Казанского собора в деревянной рамке, увитой лентами. С фронтона собора на капитана испытующе смотрело око Великого Архитектора.

Обстановка в доме представляла собой странное смешение крестьянского и городского быта. Вдоль бревенчатых стен тянулись лавки, застланные пёстрым рядом. Блестела светлым кафелем печь-голландка, тикали часы-ходики с гирьками. От пучков трав, развешенных на верёвках под потолком, пахло сеновалом. Посреди комнаты находился стол, накрытый льняной скатертью, на столе блестел полированными боками ведёрный самовар, и рядом с ним на дощечке темнел закопчённый примус.

— Садись, не стой столбом, — велела Мара.

Девушка быстро и ловко раскопегарила примус, постави-

ла на него чайник.

— Ну расскажи, с чем тебя Евгений Сергеевич прислал?

Аннушкин подпрыгнул, словно его кольнули шилом.

— Откуда ты знаешь, что я говорил с Боткиным?

— Знаю, — пожала плечами Мара. Она сняла закипевший чайник с примуса и налила кипяток в заварочник. По комнате распространились ароматы мяты, душицы и ещё чего-то терпкого. — Достань чашки из шкафа.

— Может, ты и про это знаешь? — Сергей вытянул перед Марой руки с бледными пятнами на запястьях.

Девушка мельком глянула на пятна.

— Знаю, не кричи. Только это не проказа. Кто-то очень давно проклял вашу семью. Вот и страдаете. Чашки достань.

Сергей открыл сервант и вынул две фарфоровые чашки с блюдцами, настолько тонкими, что за них страшно братья. Офицер заметил, что посуда в серванте с императорскими вензелями. Чем дальше, тем страньше. Откуда у простой мещанки сервиз из царской резиденции?

Мара разлила чай, нарезала колбасу и сыр, поставила на стол корзинку эклерами. Пирожные были свежайшие.

— Ты не горюй, — говорила Мара с чашкой в руках. — Вылечу тебя. Но за лечение возьму дорого.

— Я согласен!

За окном мелькнула тень. Сергей обернулся и увидел, как на ограду палисадника запрыгнул чёрный кот с белой манишкой на груди. Это был роскошный котище: крупный, пу-

шистый, такой же мордастый и зеленоглазый, как Мара. Кот подобрался, прицелился и прыгнул. С расстояния в полтора аршина котофей попал в крохотную форточку, открытую ради тёплого сквозняка. Кот приземлился на половике и вопросительно глянул на штабс-капитана.

— Это твой? – спросил Сергей Мару.

— Мой.

— А как звать?

— Веником.

— Почему?

Кот прошёлся по комнате с независимым видом, вдруг сиганул на стол, схватил кружок колбасы и бросился наутёк. Хлоп! – Мара с размаху треснула подлеца веником по филенной части.

— Вот поэтому!

Кот кувыркнулся, но добычу не выпустил и скрылся за печкой. Аннушкин хотел расспросить девушку, каким образом у неё в шкафу очутилась посуда с Императорского фарфорового завода, но не успел. За окнами протарахтел и остановился легковой «делано-бельвиль», похожий на карету с приделанным спереди бочкообразным моторным отсеком. Гнусаво рявкнул клаксон. На заднем сиденье автомобиля Сергей разглядел полную круглолицую даму средних лет в широченной шляпе с перьями и узнал в ней Анну Александровну Вырубову, бывшую фрейлину и ближайшую подругу Государыни. Офицер мельком видел её в царскосель-

ском госпитале, где Вырубова отбирала выздоравливающих для своей лечебницы. Там нанятые придворной дамой мастера занимались незаметным, но очень важным делом: обучали искалеченных солдат ремёслам, способным обеспечить инвалидов сверх небольшой военной пенсии.

Анна Александровна с помощью шофёра выбралась из автомобиля и заковыляла к калитке, опираясь на трость.

— Марочка! — раздался голос Вырубовой из сеней. — Выручай! С Алексеем Николаевичем беда. Бегал на солнце-пёке и добежался: носом кровь пошла и не останавливается. Боткина нет на месте, до Григория Ефимовича не дозвониться. На тебя одна надежда. А этого подлюку Деревенько своими руками придушила бы. Ему же приказали: сдерживать!

Мара уже нагребала в сумку какие-то пакетики из шкафа.

— Ничего. Не впервой. Вылечим Малого.

Ведьма сунула Аннушкину в руки ещё тёплый примус.

— Держи. Поедешь со мной, поможешь.

С примусом в руках офицер сидел в просторном салоне «делано-бельвиля», мчащегося по вечернему городу и до него постепенно доходило, в какую историю он влип. Алексей Николаевич, он же Малой, он же наследник императорского престола — вот кого собралась спасти Мара. В газетах здоровье цесаревича не обсуждалось, но в частных разговорах не раз звучало страшное слово «гемофилия». Болезнь неясного происхождения, по-видимому наследственная, от которой кровь не свёртывается в ране и больной рано

или поздно погибает от непрерывного кровотечения из самой пустячной царапины. А что знает о гемофилии бывший зауряд-врач Сергей Аннушкин? Чуть больше, чем ничего. У штабс-капитана появилось неодолимое желание выпрыгнуть из машины на ходу и спрятаться в кустах. На беду, в Царском Селе и кустов-то приличных не имелось. Только идеально подстриженные газоны. Господи, когда же этот день закончится?

«Делано-бельвиль» остановился у колоннады Александровского дворца, летней императорской резиденции. Вырубова выбралась из автомобиля и заковыляла так бодро, что Сергей с примусом и Мара с сумкой через плечо едва поспевали за ней. Семья Николая II жила в боковом флигеле дворца. Взрослые занимали первый этаж, детские комнаты располагались на втором. На лестничном марше Анна Александровна остановилась, борясь с одышкой. Сергей с Марой подхватили её под локти, намереваясь помочь.

— Марш! — скомандовала Вырубова и ткнула тростью вперёд, словно раненый командир, бросающий войско в атаку. Молодые люди оставили Анну Александровну и в три прыжка одолели лестницу. В коридоре второго этажа их уже ждали.

— Сюда, сюда! — незнакомая женщина, фрейлина или камер-фрау, чёрт их разберёт, замахала рукой.

В детской Сергей застал императрицу Александру Фёдоровну с опухшим от слёз лицом и встревоженную великую

княжну Ольгу. Непривычно было видеть Государыню и цесаревну без апостольников, в просторных домашних платьях. Здесь же в детской находились рослый упитанный дядька-матрос в белой форменке и сублильная нервная личность в партикулярном платье. Лейб-педиатр, надо полагать. Цесаревич, бледный как воск, лежал в постели, из его ноздрей торчали окровавленные ватные турунды, на исподней рубашке мальчика алела кровь. Сергей встретился взглядом с Александрой Фёдоровной и понял: придворный этикет сейчас неуместен. Даже на «здрaсте» времени нет. Штабс-капитан глянул на медицинский столик у кровати цесаревича и мгновенно обрёл почву под ногами. Разбитые кровоточащие носы не были частым явлением в Измайловском полку, но скажем так: случалось. И Сергей знал, что надо делать. Он присел на кровать к Алексею.

— Привет! Вспомнил меня? Сейчас я буду тебя лечить. Потерпишь?

Цесаревич кивнул, коснулся пальцами бинтов на лице штабс-капитана.

— Смешная маска.

Сергей обернулся к лейб-медику:

— Я намерен сделать заднюю тампонаду носовых ходов.

— Да-да, конечно, — закивал врач.

Аннушкин обратился к Ольге:

— Будете мне помогать. Дайте спирту, протереть руки.

С третьей попытки Сергею удалось протолкнуть нити в

носовые ходы Алексея. Мальчик, привыкший к медицинским манипуляциям, стойко перенёс неприятную процедуру. Аннушкин увидел в носоглотке пациента концы ниток, пинцетом вывел их наружу и привязал к ним ватный тампон. Потянув за нитки, врач втолкнул его внутрь. Тампон плотно закрыл устья носовых ходов в носоглотке больного. Осталось аккуратно завязать концы ниток под носом у мальчика и затолкать свежие турунды в окровавленные ноздри. Теперь носовые ходы закупорены спереди и сзади. Но кровь больного гемофилией не свёртывается и пропитывает ватную укупорку. Сергею удалось замедлить кровотечение, но не остановить.

Вжик, вжик, вжик — Мара подкачала воздух в примус и разожгла его. Девушка поставила на огонь кастрюльку с водой и высыпала в неё толчёную древесную кору. Вода быстро вскипела и кора разварилась в коричневую кашу. Мара остудила её и стала накладывать на переносицу, лоб, скулы наследника. Потом взяла мальчика за руки и тихонько запела. Все, кроме ведьмы, замерли. Аннушкин чувствовал себя свидетелем языческого обряда, смысл которого он не понимал. Мара замолчала, и стало так тихо, что слышался шелест листвы за окном. Где-то в парке протарахтел автомобиль и остановился, скрипнув тормозами. Алексей уснул.

В комнату вихрем влетел Боткин, распространяя вокруг запах коньяка. Похоже, они с Кравковым не остановились на «бальзаме Виллие». Лейб-медик разинул рот, чтобы при-

вычно разнести всех, увидел цесаревича и осёкся.

— Без сознания? — прошептал врач.

— Спит.

Боткин заметил Аннушкина.

— Наш пострел и тут успел, — негромко сказал он Сергею. — Что делал?

— Заднюю тампонаду, — ответил Аннушкин. — А маска из коры её, — офицер указал глазами на Мару.

Боткин нащупал пульс Алексея, удовлетворённо хмыкнул.

— Давление мерили?

— Нет. Боюсь разбудить.

Лейб-медик обернулся к Маре, указал на Аннушкина.

— Ты его привела.

Девушка кивнула. Боткин взял медсестру под локоток.

— Пойдём-ка, милая, в коридор. Сейчас я чупрыну-то тебе повыдираю! Ты соображаешь, кого привела во дворец?

Евгений Сергеевич вывел Мару прочь. «Бу-бу-бу» — доносился из коридора бас лейб-медика. Слов не разобрать, но было ясно: доктор распекает медсестру, а та возражает дерзко и непреклонно. Вскоре они вернулись, Боткин красный, словно бурак, Мара невозмутимая как статуя.

— Ладно, походатайствую за тебя перед Кравковым ещё раз, — прошептал лейб-медик Аннушкину. — А ты, ведьма чёртова, — Боткин погрозил Маре пальцем, — только попробуй не вылечить Сергея Викторовича к началу занятий в

адьюнктуре. В Неве тебя утоплю, и Бог меня простит. Всё, катитесь отсюда оба, дальше я сам.

В сумерках автомобиль Вырубовой повёз Мару с Сергеем обратно через Царское Село. В начале Липовой молодые люди попросили водителя остановиться. Оба испытывали потребность пройтись и успокоить нервы после бурного визита в Александровский дворец. Мара, до сих пор молчаливая, болтала без умолку, штабс-капитан помалкивал, кивая впопад и невпопад. Вдруг девушка умолкла, глянула вверх и непроизвольно схватила Аннушкина за рукав. Глаза ведьмы округлились от страха.

Над Царским в разрывах среди облаков потусторонним гостем плыла серая туша «цеппелина» с чёрными крестами на брюхе. Зенитки царскосельской батареи молчали — вражеский дирижабль летел слишком высоко. От гондолы «цеппелина» отделились и понеслись к земле чёрные точки. Раздался протяжный свист падающих бомб. Сергей непроизвольно прикинул: упадут далеко и не опасны.

Гроыхнуло где-то вблизи Александровского дворца. Земля вздрогнула под ногами, покачнулась, как при землетрясении. И почти сразу раздался треск авиационных движков. С авиастанции поднялось звено двухмоторных «лебедей», аэропланы устремились в погоню. «Цеппелин» повернул и быстро уходил в сторону Финского залива, облака поглотили его вместе с преследователями. Из облачной завесы донеслось негромкое «так-так-так» пулемётов, словно разом

заработало с полдесятка швейных машинок.

Мара выдохнула и отпустила рукав Аннушкина. Ещё несколько шагов и впереди показался дом с флюгером-корабликом на коньке. У ворот стоял покрытый вечерней росой «руссо-балт».

— Скажи, Мара, — наконец решился Сергей. — Сколько возмёшь с меня за лечение?

Девушка приосанилась, хитровато глянула офицеру в глаза.

— А ты женись на мне. Тем и расплатишься, — Мара забрала у остолебневшего штабс-капитана примус. — Я тебя не принуждаю. Тебе решать.

Ржевский полигон

Для химических опытов на Ржевском полигоне Кравкову выделили взвод солдат из запасного батальона под командой «четырёхмесячного» прапорщика Иванова. Чин сей окончил ускоренные четырёхмесячные офицерские курсы и имел вид великовозрастного розовощёкого дитяти, шутки ради одетого в китель и стянутого офицерской портупеей. Переход от гимназической скамьи напрямик в казарму оказался слишком резок для юного питерца. Солдаты откровенно помыкали своим командиром. Не спеша, вылезли из грузовиков, неторопливо построились. Кто-то в заднем ряду чиркнул спичкой, раскуривая папиросу. Противогазы они то ли не умели одевать, то ли не хотели и изделия фабрики «Треугольник» без толку лежали в раскрытых ящиках.

— Представляете! — жаловался Иванов академику Кравкову. — Они набрали битых кирпичей на стройке за казармой и пока ехали, колотили все окна, какие только попадались нам по пути. А когда я пытался их приструнить, устроили истерику и стали рвать на себе гимнастёрки. Дескать, на смерть едем.

— Сергей Викторович, — обратился академик к Аннушкину. — Я привык общаться с аудиторией, где у студентов за спиной минимум восемь классов гимназии. А тут, я полагаю, не каждый способен написать своё имя. Ради бога, ско-

мандуйте им.

С сентября шестнадцатого года Сергей состоял при Кравкове в звании адъютанта и в должности мальчика на побегушках. Командовать — это он любил. Особенно, если при этом представлялась возможность славно пособачиться.

— Пошли, — Аннушкин махнул рукой юному прапорщику.

Сегодня штабс-капитан впервые показался на людях без бинтов, и отутюженный воротник кителя с тонкой полоской белоснежного подворотничка эффектно оттенял корявые ожоговые рубцы на лице Сергея. Вид у фронтовика был самый что ни на есть устрашающий.

На полпути штабс-капитан запнулся сапогом о торчащий из песка сук. По рядам запасников пронёсся смешок. Здоровая половина лица Аннушкина налилась кровью.

— Подержи.

Штабс-капитан сунул Иванову камышовый стек и обоими руками ухватился за деревяшку. Та нехотя поддалась, и в руках офицера оказалась кривая сосновая дубина в аршин длинной.

— Кто не умеет надевать противогаз — шаг вперёд! — скомандовал штабс-капитан.

Строй не шелохнулся. Внезапно все научились пользоваться средствами химзащиты. Такой расклад не устраивал Аннушкина. Он рассчитывал выжать из ситуации максимум удовольствия.

— Ты! — штабс-капитан ткнул дубиной в конопатого и, как показалось Сергею, самого наглого солдата. — Шаг вперёд!

У рыжего от ужаса побледнели даже конопушки. Шутка ли: очутиться нос к носу с господином офицером, у которого половина лица нормальная, а другая половина похожа на хорошо прожаренную котлету?

— Значит, ты утверждаешь, что не умеешь надевать противогаз? — спросил штабс-капитан тоном, не допускающим возражений.

— Я та?

— Ты та! — Аннушкин выразительно взмахнул дубиной.

Рыжий понял: сейчас сумасшедший офицер убьёт его. Медленно и с видимым удовольствием на покорёженном лице. Вздвизгнув, рядовой хотел броситься наутёк, но Аннушкин схватил его.

— Какие интересные педагогические методы у моего адъютанта, — сказал Кравков технику, отвечавшему за газобаллонное оборудование. — Я бы так не смог.

Сергей принялся трепать рыжего, как терьер крысу. Устал, выпустил слегка помятого солдата.

— Встать в строй! — рявкнул Аннушкин и, обратившись ко взводу, объявил: — Объясняю суть сегодняшнего опыта. На вас проверят защитное действие противогаза системы Зелинского и Кумманта с усиленным противохимическим фильтром. Для этого вы в противогазах поместитесь в блин-

даж, и на вас выпустят удушающий газ фосген.

— А если помрём? — робко спросили из заднего ряда.

— Отпою и закопаю, — ответил Сергей. — Глянь, для тебя уже могилка приготовлена.

Штабс-капитан указал дубиной на воронку от крупнокалиберного снаряда.

— А теперь слушай мою команду, — офицер набрав воздуха в лёгкие и рявкнул: — Газы!

Солдаты поскидывали фуражки и бросились натягивать противогазы. Некоторые даже правильно. Аннушкин с Кравковым стали срывать маски с тех, кто одел кое-как и заставляли одевать, как положено.

— Становись! — скомандовал Сергей. — Нале-во! В блиндаж шагом марш! И без приказа не выходить.

Загнав солдат в укрытие, Аннушкин строевым шагом вернулся к начальнику.

— Господин академик! — рапортовал штабс-капитан Кравкову. — Испытатели на позиции. Разрешите пустить газ.

— Разрешаю, — ответил Кравков и когда Аннушкин отвернулся, выразительно покрутил пальцем у виска.

Техник отвернул вентили на баллонах. Раздалось шипение, тянущиеся к блиндажу шланги дёрнулись под напором сжатого фосгена. Некоторое время ничего не происходило. Кравков поглядывал на часы и делал пометки в блокноте. Аннушкин взял из автомобиля бинокль и глазел на окрест-

ности. Блиндаж располагался на возвышенности, ближе к восточной границе обширного полигона. Вокруг расстилалась местность неопишуемой красоты: поросшие соснами холмы и косогоры переходили в волнистую синюю даль, сквозь которую светлой лентой вилась грунтовая дорога. Далеко на востоке, под мрачным сентябрьским небом серела необъятная гладь Ладожского озера.

— Знаете, Сергей Викторович, вы очень сурово обошлись с солдатами, — заметил Кравков своему адъютанту. — Нижние чины никогда вас не полюбят.

— Я не невеста, чтобы меня любить, — ответил Аннушкин. Моё дело приказать, дело солдат подчиниться. И спаси их Боже, если кто-то поступит не так.

— Не знаю, не знаю..., — Кравков достал папиросу, постучал ею по крышке портсигара. — Грядут перемены. Может статься, что одного командирского рыка и зуботычин окажется недостаточно для управления войсками.

— Перемены были всегда, — возразил Сергей. — Одна Французская революция чего стоит! А итог всегда один: офицер приказывает, солдаты исполняют.

Кравков закурил и тут же бросил папиросу.

— Какой-то странный вкус у табака, — пожаловался он. — Будто гнилой соломой набили.

— Фосген меняет вкусовые ощущения, — напомнил техник. — А дверь в блиндаже не герметична. Отойдите от греха подальше против ветра.

Внезапная мысль осенила Аннушкина.

— Сколько должна длиться газация?

— Полчаса, — ответил Кравков. — На большее противогазы не рассчитаны.

Медики одновременно глянули на часы.

— Чёрт! — воскликнул штабс-капитан.

Он схватил жестяную коробку с противогазом, раскрыл и стал натягивать маску.

— Сергей Евгеньевич, не рискуйте! — воскликнул Кравков. — Эти маски ещё толком не испытаны.

— А... плевать!

Аннушкин распахнул дверь блиндажа, осветил помещение электрическим фонариком. Солдаты в расслабленных позах неподвижно сидели на лавках вдоль бревенчатых стен. В первый момент офицеру показалось, что они мертвы. Но кто-то повернул голову, в свете фонаря блеснули стёкла противогаза.

— Встать, смирно!

Солдаты разом поднялись, вытянулись в струнку.

— Вы какого чёрта тут сидите? — спросил Сергей слегка осипшим голосом.

— Команды выходить не было.

— Из блиндажа бегом марш!

Час спустя штабс-капитан вёз Кравкова обратно в Петроград. Тарахтел мотор, щебёнка летела из-под колёс, мимо проносились серые чухонские деревеньки с огородами, забо-

рами, избами, крытыми почерневшей от влаги дранкой.

— Замечательное изобретение — автомобиль, — рассуждал академик. — Едешь, куда захочешь, и плевать на расписание поездов. Мне кажется, это и есть настоящая свобода. Теперь я понимаю, почему американцы сходят с ума по машинам и на последние гроши покупают жестянки мистера Форда.

«Руссо-балт» обогнал гаубичную батарею. Могучие битюги тащили орудия образца девятого года. Командир, молодцеватый капитан на вороном коне обернулся и успел козырнуть Кравкову в проносящемся мимо автомобиле.

— Как вас угораздило попасть в строевые офицеры? — спросил академик Аннушкина.

— Немцы помогли, — ответил Сергей. — Они оказались отличными стрелками и за пару месяцев четырнадцатого года, когда мы ещё наступали, выщелкали половину офицеров в полку. Их легко опознать издали по шашке и портупее. В полк прислали пополнение, их тоже отстреляли. Когда зашла речь о назначении унтеров на офицерские должности, полковник вызвал меня и сообщил, что знал моего отца дельным командиром. А поскольку яблочко от яблоньки далеко не катится, мне следует оставить перевязочный пункт фельдшеру, прицепить шашку и отправляться в стрелковую роту под командование капитана Бабичевского. В тот же день в блиндаж ко мне пришёл Мирон, мой денщик с охапкой солдатского шмотья в руках. Он заявил, что ему не улыбает-

ся везти мой гроб домой, и заставил переодеться. С тех пор в атаки я ходил в солдатской шинели и с винтовкой вместо шашки. Тем и спасался от огня снайперов. Позже Бабичевский погиб, и я принял его роту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.